

Режиссёр Цюань вдруг вспомнил об одном деле и спросил Бе Сыхуна:

— Ты никогда не видел медкапсулу?

С таким уровнем актёрского мастерства у новичка это казалось невозможным! Он махнул рукой, чтобы группа по реквизиту остановилась.

Бе Сыхун спокойно ответил:

— Нет.

— Ты никогда не получал травм и не использовал её? — с недоверием спросил режиссёр. Кто вырастает, ни разу не ушибшись? Как можно было ни разу не побывать в больнице и не использовать медкапсулу?

Бе Сыхун не ожидал, что режиссёр начнёт расспрашивать о таких вещах, и немного смутился. Он не помнил, как было раньше, но у него не было воспоминаний об этом, поэтому ответил:

— Честно говоря, нет.

Значит, это не актёрская игра, а естественная реакция? Режиссёр замолчал на секунду, а затем, чтобы сохранить это состояние Бе Сыхуна, сразу же принял новое решение и сказал оператору:

— Хорошо, меняем ракурс, снимаем сцену внутри космического корабля в павильоне номер тринадцать.

Окружающие сотрудники были крайне удивлены, но они уже привыкли к таким решениям режиссёра Цюань и ничего не сказали, начав подготовку с профессиональной точностью.

Только оператор, который был рядом и хорошо знал режиссёра, предложил:

— В кадре будет видно окно, и мы увидим внешний вид корабля. Если снимать в помещении, это будет сложно сделать на этапе постпродакшна.

Модель корабля всё ещё находилась в тринадцатом павильоне, и съёмки в помещении давали бы другой эффект, чем на улице. Освещение, цвета окружения — всё это можно было бы сделать позже, но это было бы не так хорошо, как если бы сняли сразу.

Режиссёр подумал три секунды и принял решение:

— Тогда поедем снимать на улицу. Заодно снимем первую сцену.

Оператор промолчал. Лучше бы он вообще не отвечал, ведь теперь возиться придётся ему.

Цинхэ был крайне удивлён. Он сел и впервые внимательно посмотрел на Бе Сыхуна.

Черты лица были красивыми.

Бе Сыхун почувствовал себя неловко и спросил:

— Что случилось?

— Ничего, просто режиссёр Цюань обычно не любит лишних хлопот, но на этот раз сделал

исключение ради тебя.

Обычно все сцены снимали на одном месте, прежде чем переходить к следующему.

Бе Сыхун тоже услышал через микрофон, что режиссёр изменил решение. Подумав, что смена места — это хлопотно, он решил не комментировать.

Реквизит уже был готов, и теперь нужно было только всё перевезти, поэтому после двух сцен все переехали на улицу.

В аэромобиле Бе Сыхун спросил режиссёра:

— Начнём снимать с могилы?

— У тебя есть вопросы? — Режиссёр на самом деле хотел начать с падения корабля главного героя на планету, так как эта сцена была масштабной и могла впечатлить новичка, особенно такого, как Бе Сыхун, который ничего не знал. В таком случае его реакция была бы более естественной.

Но, услышав вопрос, он спросил в ответ.

Бе Сыхун подумал, что не знает, есть ли у него вопросы, но показывать неуверенность было нельзя, поэтому он кивнул:

— Нет проблем.

Просто нужно показать печаль и горе. Вспомнить, как умерли родители, и всё получится.

Режиссёр Цюань подумал, что эти две сцены можно снять вместе, и если первая не получится, её можно будет переснять позже, когда актёр немного освоится.

Аэромобиль был быстрым, и через полчаса они уже были на месте.

Увидев могилу, Бе Сыхун немного опешил.

Надгробие было не слишком большим, похожим на современные, но надписи и узоры на нём, учитывая статус Одиннадцатого, вряд ли могли быть такими. Разве режиссёр упустил этот момент? Или сделать такой реквизит сейчас было просто?

Режиссёр Цюань заметил его выражение лица и спросил:

— Что случилось?

— Просто я думаю, раз Одиннадцатый был настолько беден, разве у него были инструменты, чтобы сделать такое надгробие?

Режиссёр на секунду задумался, затем махнул рукой:

— Снимай пока, потом разберёмся.

Если что, исправим на этапе постпродакшна.

Ладно, как скажете.

Бе Сыхун вышел из аэромобиля и подошёл к могиле.

Он стоял перед надгробием две минуты, пытаясь настроиться на эмоции, но даже вспомнив родителей и почувствовав грусть, он не мог заставить себя выглядеть печальным.

Оказалось, что представлять себе одно, а снимать — совсем другое.

Режиссёр Цюань знал, что он новичок, и не торопил его.

Прошло ещё три минуты...

Режиссёр начал терять терпение. Новичок, а уже тратит моё время! Чёрт, как только сниму эти важные сцены, я тебя так отругаю!

Бе Сыхун тоже начал нервничать, чувствуя, что эмоции не идут, и сказал режиссёру:

— Я сначала сыграю сам, чтобы войти в роль, а потом мы снимем.

Режиссёр не стал его слушать и приказал сразу начать съёмку.

Если получится плохо, просто не будем использовать, а если хорошо — почему бы не использовать? Ничего не потеряем.

Они находились в разных местах, и Бе Сыхун не видел действий режиссёра, думая, что съёмка ещё не началась.

Он начал настраиваться на эмоции и тихо произнёс:

— Дедушка, после твоего ухода я остался один в этом мире.

Произнеся это, он вдруг вспомнил, что, попав в этот мир, он действительно остался один. Никто не знал его истории, никто не знал, что он был одинокой душой из другого мира, и никто не мог разделить с ним тоску по родному дому. Он был одинок, несмотря на то, что вокруг были тысячи людей.

Это осознание заставило его сердце сжаться, и он тихо добавил:

— Только ты растил меня, только ты учил меня, только ты понимал меня, и теперь больше никому будет вспоминать со мной детство. В этом мире никто не знает, что я пережил, и теперь я действительно остался один.

Говоря это, он почувствовал, как слёзы накатывают на глаза, и ощутил, насколько ему одиноко и больно. Печаль начала выходить из-под контроля.

Вспомнив, что идёт съёмка, Бе Сыхун сжал зубы, стараясь не заплакать, ведь это было бы позором.

Режиссёр Цюань в машине смотрел на экран с девятью кадрами, видя, как слёзы блестят в глазах Бе Сыхуна. Он чувствовал его одиночество и грусть, а также силу, с которой он старался держаться, и вдруг замолчал.

Он махнул рукой, чтобы начали вторую сцену. Эта сцена должна была показать печаль Одиннадцатого и его спокойствие, и не нужно было слишком много кадров, чтобы потом не пришлось их сокращать.

Бе Сыхун с трудом справился с эмоциями и хотел что-то добавить, но вдруг почувствовал что-то неладное и обернулся.

На фоне голубого неба огромный объект, похожий на метеор, с огненным шлейфом летел прямо в его сторону!

Бе Сыхун даже почувствовал жар.

Он открыл рот от удивления. Это не могло быть правдой? Разве это не должно было быть сделано на этапе постпродакшна? Даже если это был реквизит, он не мог быть настолько реалистичным.

В этот момент Бе Сыхуну показалось, что объект упадёт прямо на него, и он сделал два шага назад.

Подумав, что это неправильно, ведь если что-то случится, он окажется в опасности, он бросился бежать!

Неважно, правда это или нет, лучше убежать!

Если это правда, он спасёт себе жизнь; если нет — просто переснимем! Не знаю, будет ли это дорого стоить, и не отругает ли меня режиссёр?

Но не успел он пробежать и пару шагов, как раздался оглушительный взрыв, от которого заложило уши.

Бе Сыхун споткнулся, остановился и резко обернулся. Он увидел, что объект горит всего в нескольких метрах от него.

Вокруг была равнина, и деревьев было мало, поэтому пожар не мог разгореться. Он подумал и решил подойти поближе.

Он хотел спросить режиссёра, что происходит, но подумал, что они тоже всё видят и сообщат, если что-то случится.

Он пробежал около ста метров и, запыхавшись, поднял голову, чтобы посмотреть на объект, находившийся в десяти метрах от него. Он был высотой около десяти метров. Это был реквизит? Неужели? Или настоящий космический корабль? Или реквизит, сделанный из корабля?

Только он подумал об этом, как раздался лёгкий звук, и дверь открылась. Что-то вылетело наружу и направилось в его сторону.

Бе Сыхун испугался, но заметил, что объект летит мимо него, и подошёл поближе.

Это был цилиндрический объект высотой около двух метров с заострёнными концами. Бе Сыхун осмотрел его. Это была та самая спасательная капсула?